

Кассандра Хартблей*

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В СЕРГЕИЧБУРГ: КРИП-МАСКУЛИННОСТЬ И «КОМЕДИЯ ПРИЗНАНИЯ» В РОССИИ (ПЕРЕВОД)

Современные исследования определяют инвалидность как культурно обусловленный конструкт и с этих позиций выявляют специфику российской «инвалидной идентичности». Данная статья подготовлена в том же русле и основана на просмотре и анализе онлайн-видео и телевизионных выступлений российского комика с инвалидностью Сергея Кутергина (Сергеича). В статье приводятся две интерпретации комедии Кутергина: (1) как трансгрессивные высказывания, которые привлекают внимание к предубеждениям против людей с ограниченными возможностями, или (2) как выступления, ассимилирующие доминантную логику российской маскулинности и гетеросексизма. Автор приходит к выводу, что *комедия признания* подталкивает членов аудитории к определению самих себя в системах власти. В статье, адресованной русскоязычным и англоязычным читателям, осуществляется попытка переноса теоретического понятия *крип*, разработанного в западных исследованиях инвалидности, на российский контекст.

Ключевые слова: инвалидность, культура, перформанс, комедия, публичка, маскулинность

Введение

Статья продолжает серию недавних исследований людей с ограниченными возможностями в российской публичной сфере, рассматривающих инвалидность как социально сконструированную идентичность меньшинства. Анализируя онлайн-видео и телевизионные выступления комика с инвалидностью Сергея Кутергина, известного как Сергеич, автор сосредоточивается на процессе исполнения им «инвалидной» идентичности, рассматривая это в контексте двух интерпретаций: как трансгрессивные высказывания,

* Кассандра Хартблей – докторант, преподаватель, Университет Северной Каролины в Чапел Хилле (США), электронная почта: hartblay@live.unc.edu

направленные на привлечение внимания к предубеждениям против инвалидов или же как соглашающиеся с доминирующими представлениями и не меняющими положение вещей выступления, в которых акцентируется логика российской маскулинности и гетеросексизма. Определяя юмор как способ разрыва основных парадигм, данная статья демонстрирует, как *комедия признания* призывает членов аудитории определять себя в системах власти. Статья, написанная как для русскоязычных, так и англоязычных читателей, предлагает к вниманию перевод теоретической концепции *крин*-эстетики, или *крин*-перформативности, адаптированной к российскому контексту из западных исследований инвалидности.

Добро пожаловать в Сергеичбург

Видеосюжет: комик стоит на сцене и шутит:

«Часто на меня смотрят очень много людей. И все относятся по-разному... Кто смотрит меня по Интернету, сначала думает, что у него Интернет тормозит» («Comedy Баттл». Сезон 3. Серия 13).

Сергеич – комедийный артист с ДЦП (детский церебральный паралич) выходит уверенно, с веселым настроением, старательно выговаривая каждое слово, на нем яркая футболка, пиджак и джинсы. В своих шутках он высмеивает собственную непохожесть на других, в данном случае – медлительность речи, а также стратегии разглядывания (*politics of staring*) (Garland-Thomson 2002; Phillips 2001: 139–150). Затрагивается и Интернет, посредством которого транслируется имидж говорящего, его идеи и шутки. Сергеич стал участником телевизионного шоу «Comedy Баттл» на канале TNT весной 2012 г. После телевизионной трансляции стало возможно просматривать фрагменты шоу онлайн и делиться ими в социальных сетях. У артиста появилось немало фанатов в Интернете, и другие видео с его участием, существовавшие ранее, тоже стали популярны, в частности, пародийный рэп в видеоролике под названием «Добро пожаловать в Сергеичбург!» (см.: «Добро пожаловать в Сергеичбург!»). Это метафорическое пространство – воображаемый город, морфологически легко определяемый как русский «град» (или корень немецкого происхождения «бург»), но измененный содержательно. В нем Россия переписывается: изображается страной, в которой инвалидность не прячется, а люди с ограниченными возможностями могут быть звездами.

Феномен «Сергеичбурга» имеет особое значение в контексте нормативной маргинализации людей с инвалидностью в российской публичной сфере. Они исключаются не только фактически, как жители городов, которым на улицах препятствуют физические барьеры, но и *символически*, когда реальные голоса инвалидов вытесняются за пределы публичного дискурса и масс-медиа (Ярская-Смирнова, Романов 2011), а многие россияне оказываются не готовы взять их на работу или позволить учиться

в одной школе с собственными детьми (ФОМ 2012). Инвалиды в СССР подвергались систематической сегрегации, изоляции и институционализации (помещению в закрытые учреждения), и как выразился один из советских чиновников «в СССР инвалидов нет» (Phillips 2009; 2011).

Построенные в советское время жилые здания, которые, как известно, совершенно непригодны под нужды людей с инвалидностью, по-прежнему являются наиболее распространенным типом жилья в современной России (Kikkas 2001; Mazzarino 2013). В постсоветский период образы людей с инвалидностью чаще стали появляться в СМИ, однако, преимущественно за счет журналистов, стремившихся охватить «социальные проблемы»; изображенные в таком ключе, сами люди с инвалидностью начали рассматриваться как социальные проблемы (см. о проблематизации инвалидности в публичной сфере: Вербилевич 2013: 263, 264). Метафоры инвалидности широко распространены и продолжают разнообразиться (Phillips 2011; Ярская-Смирнова, Романов 2011), и люди с инвалидностью изображаются чаще как нуждающиеся в помощи, чем активные акторы. В условиях маргинализации и сегрегации людей с такими видами инвалидности, как например, ДЦП, телевизионные события и онлайн обсуждения становятся важным способом социального взаимодействия и культурной вовлеченности. Принимая во внимание, что в России люди с инвалидностью часто физически изолированы от сверстников и от общественной жизни в целом (Дряхлицына 2009; Kulmala 2013), онлайн видео Сергеевчанин становятся потенциальными медиаторами, так как могут распространяться в Интернете по социальным сетям людей с инвалидностью, легко преодолевая архитектурные барьеры¹.

Термин «крип» (crip) — это лингвистическая инновация, введенная в оборот активистами на Западе, которая часто используется в качестве условного обозначения людей, выступающих за права инвалидов, или людей с инвалидностью, не желающих стесняться или извиняться за свое тело. Определение самих себя как «крип» распространено в кругах активистов с обозначением людей жесткого характера, стремящихся к самореализации, в противоположность традиционному пониманию инвалида как нуждающегося в благотворительности и помощи. Концепт *crip* объединил исследования инвалидности (disability studies) с квир-исследованиями (queer studies) (McRuer 2006a; 2006b). Эти две линии критической теории изучают социальные группы, традиционно подвергающиеся стигматизации, стремясь ответить на вопрос: как субкультуры формируют чувство самооценности, гордость за свою идентичность в условиях дискриминации.

Термин *crip* является сокращением от слова *cripple* — калека и, как и квир, возникает вследствие отказа от политкорректного языка в пользу

¹ Интернет-покрытие в России составляет более пятидесяти процентов по всей стране (даже в небольших городах) с наиболее высокой пользовательской активностью в городских районах и среди молодой аудитории (см. TNS Global Usage Report 2013).

короткого, наглядного слова, возродившего термин, когда-то в прошлом имеющий уничижительный смысл, а в настоящее время поддерживающий права и возможности группы. Российские активисты с инвалидностью тоже отказываются от расплывчатых формулировок: «люди с особыми потребностями» в пользу стигматизированного, но точного обозначения «инвалиды» (см. терминологию по вопросам инвалидности на американском английском: Linton 1998; русский лексикон современных активистов, выступающих за права инвалидов: Перспектива 2012). В современных англоязычных научных работах *крип* используется как термин, обозначающий расширяющиеся права и возможности инвалидов, например, проявлять характеристики, которые традиционно считаются невозможными для них: силу, самоуверенность, независимость, сексуальность, чувство юмора, т.е. считать себя абсолютно нормальным человеком без тех комплексов, которые прикрепляются к человеку социальной позицией инвалидности.

Крип демонстрирует, что ненормативная телесность индивида не исключает его гражданского участия, а «абсолютная телесная полноценность» (*able-bodiedness*) – это временное состояние всех человеческих тел. Люди на протяжении жизни испытывают временные или постоянные физические и интеллектуальные нарушения, и большая часть культурного производства направлена на воспроизведение мифа о нормальности, идеи стандартного тела (Davis 2006). Деятельность по укреплению этого мифа англоязычными учеными названа аблеизмом (*ableism*), что означает систематическую эксклюзию людей с инвалидностью (Castaneda et al. 2000: 457–458; см. также: Linton 1998: 9, 34–36). Крипы (инвалиды, которые не принимают отведенное им место в обществе) активно разоблачают аблеизм. В английском языке суффикс «изм» связывает это слово с другими терминами, обозначающими иные системы дискриминации и эксклюзии (расизм, сексизм, гетеросексизм) (об их взаимосвязи см. напр.: McRuer 2006b).

Методология

В этой статье будет продолжено обсуждение вопроса о том, как *крип* переносится на российский контекст, путем тщательного прочтения и интерпретации двух комедийных выступлений Сергееча (см. предыдущий этап исследования: Хартблей 2013). Работа также вносит вклад в изучение дискурсивных норм инвалидности и связанных с ними процессом ее конструирования как групповой идентичности меньшинств в современном российском культурном контексте (Маркина 2013; Вербилович 2013; Ярская-Смирнова, Романов 2011). Публичная сфера понимается как постоянно воспроизводящееся, воображаемое сообщество незнакомцев, в котором меньшинства могут или не могут принимать большинство как сограждан с помощью перформативных действий. Процесс интерпелляции

исследуется через внимательное прочтение того, как Сергеев использует пародию и комедию, чтобы спровоцировать разрушение нормативного дискурса, ведущее к пересмотру ролей людей с инвалидностью. Считаю значимым сам момент признания, или узнавания¹, спровоцированный выступлением Сергеева, когда публика сталкивается с собственными предрассудками, со своим *аблеизмом*.

Данные проблемные точки вскрылись в этнографическом кейс-стади молодых людей с инвалидностью, живущих в России. Как американский ученый/активист я интересовалась тем, как западные термины и теоретические схемы укладываются на российские реалии, осознавая, что обнаруженные расхождения могут быть столь же важны для изучения, сколь и совпадения (Funk 2004). Хотя методология, применяемая в статье, сфокусирована, скорее, на изучении публичного дискурса, чем этнографических данных, моя интерпретация по вопросам инвалидности в публичной сфере, почерпнута из этнографических интервью и данных включенного наблюдения (собранных за двенадцать месяцев полевой работы). Анализ того, как *крип* интерпретируется в различных культурах от США до постсоветского пространства, основан на продолжающихся обсуждениях этого вопроса с учеными с обеих сторон Атлантики².

Публика, незнакомцы и комедия признания

По мнению критически настроенных ученых, комедия является жанром, обладающим потенциалом для разрушения доминирующего дискурса, даже несмотря на то, что она же его выражает (Yurchak 2006). Телевизионное юмористическое шоу в жанре стендап обеспечивает возможность социальных изменений посредством перформативности, способствующей усвоению общепринятых истин разнородной аудиторией (Yurchak, Boyer 2010). Как пишет О. Вербилович, рассмотрение публичной сферы как перформативного пространства «предлагает альтернативные способы утверждения идентичности человека с инвалидностью, отличные от существующих представлений. Сегодня все чаще культурное производство

¹ Я использую здесь термин «узнавание» (recognition) как своего рода инверсию концепта «неузнавание» (misrecognition) Бурдьё, когда актер не может точно определить свое место в сети или иерархии властных отношений (например, соучастие) (Bourdieu 1984: 176, 336; пояснение относительно постсоветского контекста см.: Rivkin-Fish 2005: 29).

² Я хотела бы поблагодарить международное сообщество ученых, активистов и людей с ограниченными возможностями, которые внесли свой вклад в создание этой работы. Прежде всего, конечно, тех, кто принимал участие в качестве респондентов для моей этнографической работы в области социального опыта инвалидной идентичности в современной России; российских ученых Елену Ярскую-Смирнову, Валерию Маркину, Ольгу Вербилович и магистрантов программы «Социология публичной сферы и социальных коммуникаций» НИУ «Высшая школа экономики»; а также организаторов и участников конференции De-colonizing Disability Theory I: Crippling Development в Праге в сентябре 2013.

[в России] поворачивается к сюжетам, которые предлагают «пересмотр» доминирующих стереотипов о жизни людей с инвалидностью» (Вербилочич 2013: 261).

Телевизионное вещание в восприятии аудитории, которая активно интерпретирует и объединяет его сообщения в одно целое, «является связующим звеном между реальностью и представлениями» (Askew, Wilk 2002: 16). В таком случае в телевизионном выступлении Сергеича также присутствует диалектическая взаимосвязь между представлениями о людях с инвалидностью и реальным отношением к ним со стороны россиян. Изменение социального статуса людей с инвалидностью как меньшинства [в России] становится возможным в публичной сфере, или на «перформативных аренах» (Butler 1999), где воспроизводятся и пересматриваются стереотипы или культурные нормы, активно переопределяются идентичности (Butler 1999; McRuer 2006a; Вербилочич 2013: 261).

Комедийное представление открывает возможности для преодоления аблеизма. Макрюер утверждает, что обязательная телесная полноценность человека, как и принудительная гетеросексуальность навязываются через перформативные высказывания и повторяющиеся действия. Ученый пишет, что «здоровость» (телесная полноценность) является «не только принудительным законом, [но и] ... постоянной пародией на саму себя» (McRuer 2006a: 304)¹. Крип-сенситивность вскрывает норму «абсолютной здоровости» как комического фарса. С помощью перформативности пародии, квир- или крип-исполнители разоблачают «лицемерие» нормальности, указывают на сомнительность ее положения. Квир/крип комедийное представление, через отклонение от ожидаемых правил поведения, предъявляемых к соответствующим телесностям, обнажает нашу неосознанную причастность к воспроизводству идеи о том, что наши тела обязаны быть полноценными (McRuer 2006a).

Комедия Сергеича является частью более широкого феномена «инвалидных» перформансов (disabled performance), подталкивающих (как правило «здоровую») аудиторию к выстраиванию психологической связи с опытом людей с инвалидностью. Так, Джош Блу – американский комик с ДЦП – стал победителем телешоу сходным с «Comedy Баттл» под названием «Последний комик на сцене» (Last Comic Standing – 2006). Некоторые шутки Джоша даже имеют что-то общее с шутками Сергеича. Например, оба рассказывают шуточную историю о том, как решили податься в стендап (см. версию Дж. Блу: http://youtube/qMSrpZi_6WM at 1:40). Версия Сергеича:

¹ Макрюер развивает концепт обязательной «здоровости» (принудительной телесной полноценности) на основе идеи о принудительной гетеросексуальности Батлер (Butler 1999), тем самым расширяя квир теорию до теории крип.

Собственно поэтому я решил пойти в Comedy Club, ну а куда мне еще? Ну не в летчики же? А представляете, что начнется в салоне самолета, если я своим голосом буду объявлять: «Уважаемые пассажиры! (смех в зале над тем, как ломается его голос) Наш самолет находится на высоте десять тысяч метров – все хорошо!» (голос ломается опять) (Comedy Portal // http://www.comedyportal.net/watch_online/comedy_battle_season3/13_vypusk).

Шутка срабатывает благодаря тому, что я называю «комедийным признанием»: зрители осознают весь ужас, который они испытали бы, услышав такой, схожий с пьяным, голос пилота. Они смеются, соглашаясь с тем, что действительно были бы шокированы, и начинают пересматривать свои стереотипы, касающиеся возможностей людей с инвалидностью работать в сферах профессиональной занятости. При этом зрители воспринимают Кутергина одновременно и как «своего», и как представителя меньшинства (группы инвалидов), рассказывающего об опыте переживания дискриминации. Благодаря шутке они начинают по-другому осознавать и его, и себя.

Концепция признания (recognition) имеет большой теоретический резонанс. Работа Нэнси Фрейзер о политике перераспределения и признания предлагает теоретическое объяснение механизма, по которому идентичность становится отражением класса в обществе (Fraser 1997; Shakespeare 2006). Концепция успешно применяется при рассмотрении путей достижения справедливости группами меньшинств в сложном социальном пространстве в российском контексте и на Западе (Вербилевич 2013). Используемое здесь определение признания, является своего рода инверсией теоретического понятия из концепции «неузнавания» Бурдьё (см. сноску 2). Связано оно также и с альтюссеровской концепцией интерпелляции – осознания себя в качестве граждан, которым адресовано публичное высказывание (Юрчак 2006: 116; Althusser 1971). М. Уорнер, исследуя публику, дополняет концепцию Альтюссера, фокусируясь на моменте, когда индивид *признает* самого себя центральным адресатом и, таким образом, становится членом определенной аудитории или агентом публики (Warner 2005: 77–78). Сопоставляя концепт *признания* с понятием крип-комедии у Макрюера (2006), способной перформативно вскрывать абсурдность аблеизма, я ввела определение «*комедия признания*», под которым имею в виду момент, когда трансгрессивное представление вовлекает публику в воспроизводство аблеизма и сохраняет комедийный эффект *признания* в его обычном понимании – то есть, зритель смеется, потому что он соглашается, что эта шутка о нем.

Сергейч заставляет аудиторию смеяться, и одновременно фокусирует ее внимание на реальности жизни в теле инвалида. Комик создает пространство, в котором аудитория с юмором, а не с жалостью или презрением знакомится с отличиями его тела. Знаменателен сам по себе факт, что он создал аудиторию для «инвалидного» тела. Однако что это за аудитория? Упомянутое нами метасобытие – появление публики, проявляющей интерес к инвалидному телу, заслуживает детального рассмотрения.

М. Уорнер указывает на существование множества различных значений термина «public», употребляемых нами в обычной речи, в частности «общественность» и «публика». Концепт «публичная сфера», используемый в политике, зачастую отсылает к идеям Хабермаса. При таком употреблении «публичное» или «общественное» практически всегда связываются с государством и гражданством. Однако же «публика» расшифровывается как аудитория – группа читателей (в частности данной статьи), зрителей (театра) или слушателей (радиопередач). Два этих значения могут время от времени совпадать, например, когда собравшаяся толпа слушает патриотические речи.

Уорнер отмечает, что мы используем концепт «публика» как условное обозначение, чтобы уклониться от требующего изучения необъятной, непостижимой и неоднородной природы рассматриваемых коллективов. Адресуя сообщение публике, на самом деле мы «обращаемся к неопределенным чужакам» без какой-то «пространственной локализации распространения информации» (Warner 2005: 120). Телезрители становятся частью «публики», смотря телевизор, оставаясь при этом людьми абсолютно посторонними друг другу и создателям шоу. Когда отдельные зрители формируют публику, они также сами воссоздают свою субъектность, их ощущения собственной идентичности меняются под влиянием публики, а также того, как взаимодействуют и воспринимают друг друга незнакомцы (Matza 2009). В обществе модерна незнакомцы (чуждые друг другу люди) встречаются повсюду (Warner 2005; Simmel 1950: 402–408) – в метро, на рынке, на избирательном участке – оказывают значительное влияние на наши представления о самих себе. Уорнер пишет:

В современном обществе появление незнакомца не кажется нам удивительным и экзотичным, каким казалось бы его появление в древнем, средневековом обществе или в городе Нового времени. В ранних типах социального порядка или в современных ему аналогах незнакомец, новичок является таинственной и тревожащей проблемой, требующей решения. Однако в контексте публичной сферы новички могут рассматриваться как уже принадлежащие нашему миру. Более того, они должны быть его частью, ведь мы рутинно ориентированы на общую жизнь. Они представляют собой нормальное социальное явление (Warner 2005: 74–76).

В воображаемом сообществе современного государства незнакомец сродни гражданину или соотечественнику (Anderson 2006). Появившись на телевидении как талантливый незнакомец, Сергеич воспринимается зрителями как достойный внимания. Надо подчеркнуть, что воображаемые «чужаки» в советской системе образов всегда были (за редким исключением героев Великой Отечественной войны) трудоспособными и здоровыми (Phillips 2009; Kikkas 2001). После распада Советского Союза активисты в России работали над изменением общественного восприятия инвалидности (Iarskaia-Smirnova 2001; 2011; Phillips 2011).

С этих позиций становится понятно, каким образом выступления Сергеича позволяют осознать его в качестве российского гражданина-незнакомца. Монологи в «Comedy Баттл» допускают существование общности, в которой некоторые из незнакомцев (strangers) являются обладателями другой телесности, но их замечают, слышат и чувствуют наравне с другими гражданами. С этой площадки, просто появившись на шоу или в видеоролике, Сергеич призвал общественность признать людей с ограниченными возможностями в качестве сограждан.

Сергеич это провозглашает в рэпе в видеоклипе «Сергеичбург»:

Столько друзей, столько подруг, думай, что это – Сергеичбург!

Город друзей, город подруг! Добро пожаловать в Сергеичбург!

И ничего, что Москва (Анапа) вокруг – думай, что это – Сергеичбург!¹

Сергеичбург – это вымышленное место, полное дружелюбных незнакомцев, которые признают Сергеича как самого популярного «чувака» Сергеичбурга. В своем клипе он кружит по городу на золотом кабриолете в сопровождении сексопильных девушек и общается с разными знаменитыми артистами. В клипе нет специфичного юмора, но карнавальная атмосфера, показанная там, напоминает пародию на жанр «гангста-рэп»². Не важно, где пространственно ты находишься, будь то Анапа или Москва, видео предлагает определенное состояние ума, в котором ты переносишься в Сергеичбург. В этом воображаемом месте наличие инвалидности не исключает социального участия и успеха.

Жанры пародии, комедии и стеба обладают потенциалом для пересмотра нормативной модели изнутри. Воссоздавая слегка измененную копию, пародия способна явственно указать на однотипность содержания оригинала, отсутствие разнообразия, либо наоборот, его стремление к гипернормализации, которые бы в ином случае остались незамеченными. Пародия является причиной «чувственного раскола, делая то, что было скрыто и неосознанно нами, внезапно видимым и умпостигаемым» (Yurchak, Boyer 2010: 212), и поэтому может изменить общественное восприятие. В таком случае выступление Сергеича раскрывает два основных момента гипернормализации российских публичных медиа – это однообразность репрезентаций телесности и маскулинности. Разоблачает и высмеивает компоненты такой мужественности в своем видео: праздный образ жизни, деньги, автомобили, сексуально-доступных женщин и влиятельных друзей.

¹ Добро пожаловать в Сергеичбург // <http://www.youtube.com/watch?v=EzInJ873S5E&feature=youtu.be> (дата обращения: 06.04.2013)

² Обсуждение того, как крип-маскулинность связана с американскими мифологиями гангстерской жизни и рэпом как протестным перформансом (см.: McRuer 2006b: 66–70; Bailey 2011). Здесь возникает следующий вопрос, который нужно обсуждать отдельно – о сравнении российской и американской хип-хоп маскулинности.

Сергеич наслаждается этими проявлениями мужественности и ролью крутого босса. Так проявляются черты стеба: неясно наверняка, высмеивает ли он этот образ или же идентифицирует себя с ними; вполне возможны оба варианта.

Юрчак определяет стеб как особую форму иронии, процветавшей в поздний социалистический период. Стеб «отличается от сарказма, цинизма, насмешки и прочих похожих жанров абсурдного юмора» так как «требует сверхидентификации с предметом, человеком или идеей, на которые (он) был направлен, что зачастую невозможно сказать, что это было: искренней поддержкой, тонкой насмешкой или их своеобразной смесью» (Yurchak 2006: 250, см. также Yurchak 1999: 84). Колеблюсь назвать пародию Сергеича стебом, поскольку Юрчак применял этот термин для обозначения специфического высмеивания с позиции официального дискурса, тогда как Сергеич ассоциирует себя с образом рэпера. Роль хип-хоп босса проигрывается им в концепте противозаконности мужского успеха; в то же время, наш рэпер сдерживает культурное давление и отвергает «благопристойность» и «одомашненность», все относящееся к «официальному».

Зритель, безусловно, понимает, что Кутергин как *инвалид*, привлекающий внимание, сам не живет той жизнью, которую изображает в видео его герой – босс Сергеичбурга. Люди с инвалидностью, наперекор скрытой неолиберальной логике, воспринимаются как нуждающиеся в защите и помощи государства, они исключаются из трудовой сферы. Босс – это явно мужская роль, которая воспроизводится в рамках гендерного порядка в современной публичной сфере повсеместно – начиная с канала MTV и заканчивая рекламой (Юрчак 2000). С помощью Сергеичбурга Кутергину удастся сделать проблему исключения заметной благодаря разрыву шаблона, согласно которому успешный мужчина – это всегда телесно здоровый и трудоспособный человек. Следовательно, возможность быть кормильцем и главой семейства – трудовые ресурсы и маскулинность – предстают в дискурсе как связанные и тождественные понятия. Юрчак называет этот феномен *мужской экономикой* (Юрчак 2001). Кутергин сделал проблему исключения заметной благодаря разрыву шаблона, показав обратный мир, в котором человек с инвалидностью реально существует. Таким образом, Сергеич создаст российскую крип-перформативность, привлекая внимание и подрывая нормативную логику восприятия инвалидности.

Крип маскулинность: от социальной проблемы к терапевтическому гражданству

Появление Сергеича в последнем эпизоде сезона «Comedy Баттл» помогает разобраться во взаимосвязях между инвалидностью, мужественностью и нормативностью. В этом эпизоде Сергеич оказался в финальном раунде «Comedy Баттл», в котором выбирают победителя сезона и распре-

деляют призы. Тизер усиливает драматичность: как Сергеев справится с волнением в такой ответственный момент?! Кажется, он заикается, путается. Действительно, когда наступает очередь Сергеева, шоу меняет свой обычный формат – соревнование в стендап жанре, сопровождающееся моментальной оценкой судей. Сергеев выходит на сцену более или менее обычно, затем начинается видеоряд, изобретательно выстроенный из нарезанных кадров, которые опытный телезритель реалити-шоу быстро схватывает благодаря эмоциональной напряженности момента. Сергеев, кажется, внезапно начинает нервничать, запинаться, судя по его словам, теряет уверенность. Он просит судей позволить ему уйти со сцены, чтобы выпить воды: а они с заметным сочувствием убеждают его успокоиться и вернуться.

По возвращению вместо того, чтобы продолжить заранее подготовленную речь, он выражает глубокую благодарность за свое самое первое появление. Формат выступления из стендап комедии превращается в личную исповедь. Участие в шоу «Comedy Баттл», по его словам, изменило его жизнь. Не только в профессиональном смысле, но и потому, что он смог встретить женщину своей мечты. Он рассказывает аудитории про чудесную встречу и влюбленность в девушку из соседнего двора. После его появления на «Comedy Баттл» она его заметила. В форме исповеди он делится с судьями и аудиторией, что он теперь помолвлен. Камера переключается на сидящую в зале красивую девушку с застенчивой улыбкой и блестящими каштановыми волосами – его невесту.

Выходит, что Сергеев обладает главными атрибутами нормативной модели мужского успеха – у него есть девушка (и она красотка!). «Это правда?» – спрашивает его один из судей. «Полностью!» – отвечает Сергеев («Comedy Баттл». Сезон 3. Серия 19). Сергеев стал желанным. Появление на «Comedy Баттл» переопределило его как мужчину (по аналогии с идеей Юрчака). Это произошло одновременно и символически, и буквально, с одной стороны, его изображение было оцифровано и передано в каждую российскую квартиру, а, с другой, его потенциал в качестве комика взлетел вместе с увеличившимся охватом аудитории.

В такой ситуации создатели «Comedy Баттл» намеренно ломают формат шоу, для того чтобы образовалось пространство, в котором возможно было бы говорить об опыте Сергеева как «другого».

С одной стороны, эту «поломку» обычного формата шоу, позволяющую Сергееву самораскрыться, можно рассматривать как «особый» режим, способствующий процессу разворачивания инвалидной идентичности как «иной» и требующей некоторой дополнительной помощи. С другой стороны, через раскрытие идиомы самореализации и терапевтического переосмысления самого себя, Сергеев признается соотечественником, гражданином, так как включен в спектакль публичной самопрезентации, в «буржуазный» проект самосовершенствования. Концепция современного российского терапевтического гражданства и (вос)

производства этой идиомы в СМИ уже излучалась в недавних социологических исследованиях (Lerner, Zbenovich 2013; Kayiatos 2012; Matza 2009). Жанр реалити-шоу, к которому относится «Comedy Баттл», особенно подходит для вышеописанного типа культурной работы.

Ю. Лернер и К. Збенович (Lerner, Zbenovich 2013), к примеру, описывают, каким образом терапевтический дискурс проявляется в российской публичной культуре. Они проводят анализ риторики самопрезентаций на популярном российском ток-шоу о модных перевоплощениях. Стандартными компонентами этой идиомы являются раскрытие судьями взаимосвязей между внешними и внутренними характеристиками (или недостатками) обсуждаемой персоны. Внутренние психические проблемы считаются причинами внешнего беспорядка или патологии индивида (Lerner, Zbenovich 2013: 840, 844). Через публичное вмешательство на шоу, психическая патология человека вскрывается, после чего он уже осознанно может управлять как своим внешним видом, так и внутренним миром. Аналогично, Томас Маца описывает процесс применения россиянами, участвующими в различных «реалити» или «ток-шоу», дискурсов популярной психотерапии (Matza 2009: 491–492), с целью позиционирования себя как рациональных индивидов, которые работая над собой, путем самоанализа и преодоления комплексов, вносят ценный вклад в проект улучшения нации (Matza 2009: 493–494).

Таким образом, процесс выявления комплексов личности, с привлечением популярных психотерапевтических дискурсов, помогают современным россиянам утверждать себя в качестве граждан. Применив данный механизм к анализу финального выступления Сергеича в «Comedy Баттл», можно увидеть другую интерпретацию. Его внезапные заикания и уход от задуманного сценария, могут рассматриваться не как желание показать себя в качестве инвалида или слабого, но как способ интегрироваться в общество, используя дискурс терапевтического гражданства. Вместо того, чтобы публично отрицать само существование таких тел, как, например, у Сергеича (Phillips 2009), продюсеры пропустили его на кастинге в число участников проекта «рациональной самореализации», тем самым создав не только его телесность, но и его самого, в первую очередь как россиянина, и во вторую – как человека с инвалидностью.

Выводы

В данной статье показано, каким образом российским комиком Сергеичем разрушается воспроизводство парадигмы аблеизма; его перформативная идиома характеризуется здесь как комедия признания. Выступление Сергеича рассматривается сквозь линзу крип теории, раз-

работанной западными учеными. Есть основания полагать, что выступления Сергеича можно рассматривать как *крип*, обладающий трансгрессивным потенциалом. Однако, когда ненормативное тело артиста оказывается «включенным» в средства массовой информации, его рассказ попадает под нормализацию дисциплинирующего дискурса. Это означает, что даже после «признания» его в качестве согражданина, траектория Сергеича в конечном счете приводит к сохранению статуса кво, а неявная критика маргинализации российских инвалидов становится причастной к воспроизводству гетеросексистской мужественности. Здесь ощущаются трудности переноса результатов исследований инвалидности на разные культурные контексты. *Крип*-теория обусловлена внутренней логикой культуры, существующими в ней представлениями об инклюзии и эксклюзии, о границах телесной нормы. Поэтому необходимо продолжить работу, чтобы очертить более четкие контуры социальной инклюзии инвалидности в современной России.

Список источников

Вербилович О. Е. Механизмы формирования идентичности в публичной сфере инвалидности // *Журнал исследований социальной политики*. 2013. 11 (2): 251–272.

«Добро пожаловать в Сергеичбург!» // <http://www.youtube.com/watch?v=EzInJ873S5E&feature=youtu.be> (дата обращения: 06.04.2013).

Дряхлицына С. А. *Особенности социализации молодежи с нарушением опорно-двигательного аппарата (по данным социологического исследования в Республике Карелия)*. Дисс... кандидата социологических наук. СПб: СПбГУ, 2009.

Кутергин С. «Добро пожаловать в Сергеичбург»: Сергеичи, Краснодарская лига 2011. Уфа: команда КВН «Сергеичи» 2011. Онлайн Видео. <http://www.youtube.com/watch?v=EzInJ873S5E&feature=youtu.be> (дата обращения: 06.04.2013).

Кутергин С. *КВН или банальная работа?* (из интервью). Онлайн видео. // <http://youtu.be/2BZBUbJEuIM> (дата обращения: 06.04.2013).

Кутергин С. *Сергеич: Официальная группа* // В контакте. <http://vk.com/sergeichi> (дата обращения: 06.04.2013).

Кутергин С. *Сергеич: Официальный канал* // YouTube. <http://www.youtube.com/user/Yogriss/videos> (дата обращения: 06.04.2013).

Культура общения с людьми с инвалидностью. Язык и Этикет // *РООИ Перспектива*. 2013 // <http://perspektiva-inva.ru/language-etiquette/> (дата обращения 01.03.2014).

Маркина В. М. Политика репрезентации людей с синдромом Дауна в современной публичной сфере // Ярская-Смирнова Е. Р., Романов П. В. (ред.) *Публичная сфера: теория, методология, кейс стади*. М.: ООО «Вариант»: ЦСПГИ, 2013: 187–205.

Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. Тело и дискриминация: инвалидность, гендер и гражданство в постсоветском кино // *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре*. 2011. (76): 65–80.

ФОМ (2012) *Образование без границ: дети-инвалиды в обычных школах* // <http://fom.ru/obshchestvo/10588> (дата обращения: 8.03.2014).

Хартблей К. «Добро пожаловать в Сергеичбург»: воображая пространства различий в российской цифровой публичной сфере // Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.В. (ред.) *Публичная сфера: теория, методология, кейс стади*. М.: ООО «Вариант»: ЦСПГИ, 2013: 150–165.

Юрчак А. По следам женского образа (символическая работа нового рекламного дискурса) // Альчук А. (ред.) *Женщина и визуальные знаки*. М.: РГГУ, 2000.

Юрчак А. Мужская экономика: Не до глупостей, когда карьеру куешь // *Неприкосновенный запас*. 2001. 5 (19) // <http://magazines.russ.ru/nz/2001/5/ur.html> (дата обращения: 06.04.2013).

Althusser L. Ideology and Ideological State Apparatuses // Althusser L. *Lenin and Philosophy and other Essays*. New York: Monthly Review Press, 1971 // <http://www.marxists.org/reference/archive/althusser/1970/ideology.htm> (дата обращения: 15.02.2014).

Anderson B. R. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. New York: Verso, 2006.

Askew K., Wilk R. R. (eds.) *The Anthropology of Media: A Reader*. Blackwell: Malden, Massachusetts, 2002.

Bailey M. "The Illest": Disability as Metaphor in Hip-Hop Music // Bell Ch.M. (ed.) *Blackness and Disability: Critical Examinations and Cultural Interventions*. East Lansing: Michigan State University Press, 2011: 141–148.

Bourdieu P. *Distinction: a Social Critique of the Judgement of Taste*. Cambridge: Harvard University Press, 1984.

Blue J. Josh *Blue at Last Comic Standing!* // YouTube Video. 2006. http://youtu.be/qMSrpZi_6WM. (дата обращения: 06.04.2013).

Butler J. *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*. New York: Routledge, 1999.

Castaneda C., Hopkins L. E., Peters M. L. Ableism // Adams M. (ed.) *Readings for Diversity and Social Justice*. New York: Routledge, 2000: 319–329.

Chua J. L. The Register of "Complaint" // *Medical Anthropology Quarterly*. 26.2.2012: 221–240.

Comedy Баттл. Сезон 3. Эпизод 13. Онлайн видео. http://www.comedyportal.net/watch_online/comedy_battle_season3/13_вуруск (дата обращения: 06.04.2013).

Comedy Баттл. Сезон 3. Эпизод 19. Онлайн видео. http://www.comedyportal.net/watch_online/comedy_battle_season3/19_вуруск (дата обращения: 06.04.2013).

Fraser N. *Justice Interruptus: Critical Reflections on the "Postsocialist" Condition*. New York: Routledge, 1997.

Funk N. Feminist Critiques of Liberalism: Can They Travel East? Their Relevance in Eastern and Central Europe and the Former Soviet Union // *Signs*. 2004. 29 (3): 695–726.

Garland-Thomson R. Politics of Staring: Visual Rhetorics of Disability in Popular Photography // Snyder Sh., Brueggemann B., Garland-Thomson R. (eds.) *Disability Studies: Enabling the Humanities*. New York: Modern Language Association of America, 2002: 56–75.

Iarskaia-Smirnova E. "A Girl Who Liked to Dance": Life Experiences of Russian Women with Motor Impairments // Jäppinen M., Kulmala M., Saarinen A. (eds.) *Gazing at Welfare, Gender and Agency in Post-Socialist Countries*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars, 2011: 104–24.

- Iarskaia-Smirnova E. Social Change and Self -Empowerment: Stories of Disabled People in Russia // Priestley M. (ed.) *Disability and the Life Course: Global Perspectives*. New York: Cambridge University Press, 2001: 101–113.
- Iarskaia-Smirnova E. "What the Future Will Bring I Do Not Know": Mothering Children with Disabilities in Russia and the Politics of Exclusion // *Frontiers: A Journal of Women Studies*. 1999. 20 (2): 66–86.
- Kayiatos A. Shock and Alla: Capitalist Cures for Socialist Perversities at the End of the Twentieth Century // *Lambda Nordica*. 2012. (4): 33–64.
- Kikkas K. Lifting the Iron Curtain // Priestley M. (ed.) *Disability and the Life Course: Global Perspectives*. New York: Cambridge University Press, 2001: 113–122.
- Kulmala M. *State and Society in Small-Town Russia: A Feminist-Ethnographic Inquiry into the Boundaries of Society in the Finnish-Russian Borderland*. Doctoral Thesis. Helsinki: University of Helsinki, 2013.
- Lerner J., Zbenovich C. Adapting the Therapeutic Discourse to Post-Soviet Media Culture: The Case of Modnyi Prigovor // *Slavic Review*. 2013. 72 (4): 828–849.
- Linton S. *Claiming Disability: Knowledge and Identity*. New York: New York University Press, 1998.
- Matza T. Moscow's echo: Technologies of the Self, Publics, and Politics on the Russian Talk Show // *Cultural Anthropology*. 2009. 24 (3): 489–522.
- Matza T. "Good Individualism?" Psychology, Ethics, and Neoliberalism in Postsocialist Russia // *American Ethnologist*. 2012. 39 (4): 804–818.
- Mazzarino A. *Barriers Everywhere: Lack of Accessibility for People with Disabilities in Russia*. Human Rights Watch, 2013.
- McRuer R. Compulsory Able-Bodiedness and Queer/Disabled Existence // L. Davis (ed.) *The Disability Studies Reader*. New York: Routledge, 2006a: 301–308.
- McRuer R. *Crip Theory: Cultural Signs of Queerness and Disability*. New York: New York University Press, 2006b.
- Nguyen V-K. *The Republic of Therapy: Triage and Sovereignty in West Africa's Time of AIDS*. Body, Commodity, Text. Durham, NC: Duke University Press, 2010.
- Phillips S. *Disability and Mobile Citizenship in Postsocialist Ukraine*. Bloomington: Indiana University Press, 2011.
- Phillips S. "There Are No Invalids in the USSR!" A Missing Soviet Chapter in the New Disability History // *Disability Studies Quarterly*. 2009. 29 (3) // <http://dsq-sds.org/article/view/936/1111> (дата обращения: 06.04.2013).
- Rivkin-Fish M. *Women's Health in post-Soviet Russia: the Politics of Intervention*. Bloomington: Indiana University Press, 2005.
- Sandahl C. Queering the Crip or Crippling the Queer?: Intersections of Queer and Crip Identities in Solo Autobiographical Performance // *GLQ: A Journal of Lesbian and Gay Studies*. 2003. 9 (1–2): 25–56.
- Simmel G. The Stranger // Wolff K. (trans.) *The Sociology of Georg Simmel*. New York: Free Press, 1950.
- TNS Global Usage Report 2013* // <http://www.tns-global.ru/services/media/media-audience/internet/description> (дата обращения: 06.04.2013).
- Warner M. *Publics and Counterpublics*. New York: Zone Books, 2002.

Yurchak A. *Everything Was Forever, Until It Was No More: the Last Soviet Generation*. Princeton: Princeton University Press, 2006.

Yurchak A., Boyer D. American Stioib: Or, What Late Socialist Aesthetics of Parody Reveal About Contemporary Political Culture in the West // *Cultural Anthropology*. 2010. 25 (2): 179–221.

*Пер с англ. Валерии Маркиной
под ред. Елены Ярской-Смирновой*